Питер сидит на краю пыльных развалин и наблюдает, как Квилл и Тони обсуждают (ну, "обсуждают") планы по борьбе с Таносом. Кажется, все идет хорошо, но они находятся вне пределов досягаемости его суперслуха, чтобы понять это. По крайней мере, никто не выглядит так, будто собирается снова бросаться ударами.

На него падает тень, и он поднимает голову. "О. Привет, доктор Стрэндж".

"Мистер Паркер, - мягко кивает Стрэндж, поднимаясь и становясь рядом с ним. С тех пор как он заглянул в будущее, он стал замкнутым и покорным. Тихий, почти смирившийся. Это радикальная перемена по сравнению с отстраненным сарказмом, когда они впервые встретились.

"Ты в порядке?" спрашивает Питер, глядя на него и наклоняя голову. "Ты выглядишь немного не в порядке после того случая со временем".

"Я в порядке, насколько можно ожидать. Я готовил несколько заклинаний перед битвой. Это всегда несколько выматывает", - рассеянно говорит Стрэндж. Он делает паузу, затем смотрит на Питера. "Могу я попросить вас об одолжении?"

"Да, конечно", - говорит Питер, вставая со своего места. Во взгляде колдуна появилась тяжесть, которой он никогда раньше не замечал. "Что тебе нужно?"

"Протяни руку, пожалуйста".

Питер так и делает, с любопытством ожидая, что же может понадобиться колдуну.

Стрендж достает лист бумаги, достаточно плотный, чтобы считаться пергаментом, и вкладывает его в руку Питера. Он сложен пополам и скреплен честной сургучной печатью. Питер удивлен ее внезапным появлением, но потом понимает, что это, вероятно, один из самых простых трюков, которые колдун припас в своем буквальном рукаве. Он некоторое время любуется ею: бумага почти как ткань, а сургучная печать светится с едва уловимой силой, которая давит на руку даже сквозь костюм.

А потом она исчезает в зеленой вспышке. Питер в недоумении смотрит на свою руку.

"Хм?"

Стрендж, в свою очередь, не выглядит удивленным или даже расстроенным. "Отлично. Спасибо, мистер Паркер".

"Не за что?" говорит Питер, глядя на свою руку. "Я же не собираюсь чихать на письмо через три недели или что-то в этом роде?"

"Что-то в этом роде", - говорит Стрэндж, слишком небрежно, чтобы Питеру это понравилось. "Ты готов к этому?"

"К бою? Да! Я имею в виду, настолько хорошо, насколько это возможно". По правде говоря, он немного напуган. Когда-то Титан был похож на Землю, а теперь от него остались лишь пыль и руины. Если они не остановят Таноса здесь, то не смогут вернуться домой. Он рад, что Тони здесь; без него у них не было бы ни единого шанса. "Я готов, доктор Стрэндж. Обещаю".

Стрэндж кивает, задумчиво глядя на него. На мгновение он задерживает взгляд на Питере, колеблется, а затем говорит: "Хочешь совет?"

"Конечно", - отвечает Питер. Это был самый долгий разговор с доктором Стрэнджем. Во время полета на Титан он практически не обращал внимания на Тони и Питера на корабле. Этот внезапный интерес и странная дружеская беседа - это, конечно, странно.

"Ни одно великое дело не может быть сделано без жертв", - говорит доктор Стрэндж.

А потом уходит.

Питер смотрит ему вслед, совершенно сбитый с толку.

Прибывает Танос, и он гораздо больше и гораздо страшнее, чем ожидал Питер. Они усмиряют его за несколько секунд, но это недолго.

Питер проводит руками по драгоценным камням, закрепленным на перчатке Таноса, и оказывается возле самого большого, расположенного ниже четырех других. Оранжево-золотой. Она, как дуговой реактор Тони, пульсирует энергией, испуская невидимые волны тепла по всей длине руки. Он начинает тянуть.

Под его рукой что-то трещит.

В руке появляется тяжесть, которая исчезает в тот же миг, как она туда попадает. Что-то яркое, что-то золотое, думает он, но не может понять, почему оно должно быть золотым. Когда он смотрит, в руке его нет, так что, что бы это ни было, он, должно быть, уронил его. Должно быть, Танос потратился на дешевый металл для этой перчатки.

"Парень, соберись!" гаркнул Тони.

"Точно! Прости..."

Питер продолжает тянуть за перчатку. Он не замечает, что половина Камня души отсутствует.

Квилл падает с неба и приближается к Таносу.

После этого все идет наперекосяк.

Танос исчезает через портал. И почти сразу же все становится не так.

"Что-то происходит", - говорит Мантис.

Он не знает, что происходит после этого. Он слышит, как Дракс зовет своего друга. Слышит, как Квилл тихо пробормотал "ой, чувак". Он знает, что они мертвы. Он больше не слышит биения их сердец. А потом...

Потом это происходит с ним. Его паучьи чувства вопиют к нему. Страх всепоглощающий. Пэйн испытывает еще большую боль. Каждое нервное окончание горит.

"Я чувствую себя не очень хорошо", - бормочет Питер, шатаясь, направляясь к Тони. Он спотыкается и прижимается к нему, чувствуя, как тот вздрагивает. "Я не знаю, что... Я не..."

Что-то пытается разорвать его на части. Но он может бороться с этим. С трудом. На это уходит почти вся его концентрация, вся его сила воли, но он сопротивляется. Хоть немного.

Но боль от этого только усиливается.

На краю сознания он слышит другие, далекие голоса. Кажется, что они доносятся из туннеля, расположенного далеко от него. Он что-то бормочет Тони, умоляя о помощи, утешении или еще о чем-то, чего тот совершенно не в состоянии ему предоставить.

"Почему он так долго не может прийти в себя?" спрашивает голос Квила.

"Ник, а со мной было так же?" - спрашивает другой.

"Нет, все произошло мгновенно", - отвечает Ник, кем бы он ни был.

"Я не хочу уходить..." Питер умоляет, наполовину обнимая, наполовину цепляясь за Тони, когда их обоих волокут по земле. Тони - за свою рану и неожиданный вес Питера; Питер - за свои быстро разрушающиеся ноги и ступни.

Тони все же находит в себе силы уложить его относительно мягко. Его голос спокоен и ободряющ, в отличие от отчаяния и паники в его глазах. "Ты в порядке. Ты в порядке".

"Господи", - тихо произносит голос. Он слышал его раньше. Сокол.

"Я держу тебя", - говорит Тони, хватая Питера за плечо. Он ненадолго отводит взгляд, его глаза встречаются с голубой инопланетянкой, которая протаранила корабль Таноса. Увидев на ее лице неопределенно-шокированное и пораженное выражение, он снова поворачивается к Питеру. "Я держу тебя. Ты в порядке..."

А вот и нет. Он замедляет его, да, но это проигрышная битва. Даже если бы Тони смог остановить это...

Ноги отказали. Боль ползет по животу, по позвоночнику и начинает набирать скорость. Он тянется вверх, чтобы схватить Тони за плечо, и тот рушится внутрь костюма. Костюм разваливается вокруг него, создавая иллюзию, что он сдувается. Пепел вытекает из его краев, как вода.

"Ты в порядке", - повторяет Тони. Он пытается облегчить Питеру задачу.

А Питер только и слышит: "Если бы с тобой что-нибудь случилось, я бы чувствовал, что это на мне".

"Что за черт? Вы что, только что это услышали?" спрашивает Квилл.

"Это воспоминание", - говорит кто-то другой с тихим, замкнутым и явно соковским акцентом.

Боль уже дошла до груди. Легких. Он больше не может бороться с ней. Он поднимает глаза на Тони и шепчет: "Прости меня".

Последнее, что видит Питер, - это испуганное, убитое горем выражение лица Тони, склонившегося над ним. Чувство вины в его глазах едва ли не сильнее, чем жгучая боль, которая разрывает Питера на части. Мир начинает темнеть.

Вспышка золотого и зеленого света. На мгновение он обнаруживает, что стоит среди Стражей и других людей: Сокол, Зимний Солдат, Алая Ведьма, Черная Пантера, принцесса Шури и другие, которых он не узнает... Они все смотрят на него, некоторые в замешательстве, другие обеспокоены. А потом появляется доктор Стрэндж. Во взгляде, которым он смотрит на Питера, - чистая жалость и более чем легкое чувство вины.

А потом снова темнота. Это похоже на моргание: длительный период небытия, который заканчивается так же внезапно, как и начинается. В один момент ничего нет, а в другой - свет.

Тусклый, желтый свет, покрывающий кирпичные стены, цементный пол и непристойную машину, к которой он был привязан. Реальность обрушивается на него со всей изощренностью астероидного удара. Зрения, звуки, запахи - все его чувства оживают одновременно, захлестывая его. Первое, что он чувствует, - мучительную, белую боль, как будто каждую клетку его тела разрывают на части микроскопический кусочек за микроскопическим

кусочком и снова собирают вместе.

Первое, что он слышит, - собственные крики боли. Он не может остановить их; честно говоря, он их почти не слышит. Он заперт внутри чего-то. Трубка? Поменьше. Может быть, стеклянный гроб; он не уверен. Он знает, что оказался в ловушке, знает, что он один, и вдруг снова оказывается на складе. Он начинает возиться в стеклянной трубке, ударяет по ней раз, два и тяжелым, отчаянным взмахом руки разбивает ее изнутри. Стекло падает на грязный пол под ним, и теперь он может что-то слышать. Люди рядом, они разговаривают друг с другом.

"Это ребенок?" - спрашивает глубокий голос с оттенком беспокойства. Кто бы это ни был, они уже близко.

Питер не обращает на них внимания; он вытаскивает себя из машины - какой-то странной капсулы - и осматривает себя. Он не в своем костюме. Почему он не в костюме? Он прижимается к машине и пытается успокоить дыхание. Боже, как болит голова. Его лицо покрыто грязью, грязью и засохшей кровью, а одежда - тем же самым. Он выглядит так, будто только что выполз из собственной могилы. Честно говоря, он и чувствует себя так же. Его тело трясется и содрогается от фантомной боли, которую причинил Танос.

http://tl.rulate.ru/book/85303/2729937